

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ

УДК 322 DOI: 10.24045/conf.2017.1.4

РЕВОЛЮЦИЯ И ЦЕРКОВЬ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ)

*Глебов Г.И.,
кандидат исторических наук, доцент,
Пенза, Россия*

Аннотация. В статье освещается религиозная политика большевиков в 1917–1918 годах. Автор рассматривает законодательную базу Советского государства, которая послужила основанием для отделения церкви от государства и лишения церкви экономических привилегий. В статье анализируется реакция церкви и общества на новые законы и действия Советского правительства по проведению антирелигиозных декретов. Автор приходит к выводу, что в обществе наблюдался раскол между верующими и сторонниками Советской власти. И рассматривать вопрос религиозной политики большевиков 1917–1918 годов следует не с точки зрения гонений на церковь, а с точки зрения взаимного противостояния. Исследование основано на материалах периодической печати, архивных материалах, опубликованных документах.

Ключевые слова: Октябрьская революция, церковь, религиозная политика в СССР, антирелигиозная политика, конфликт государства и церкви.

THE REVOLUTION AND THE CHURCH (ON THE MATERIALS OF THE VOLGA REGION)

*Glebov G.I.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor
Penza, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the question of the religious policy of the Bolsheviks in 1917–1918. The author examines the legislative basis of the Soviet state, which served as the basis for the separation of Church and state and the deprivation of the Church's economic privileges. The article analyzes the reaction of Church and society on new laws and the actions of the Soviet government to conduct anti-religious decrees. The author comes to the conclusion that society was divided between believers and supporters of Soviet power. And to consider the question of the religious policy of the Bolsheviks 1917–1918 follows not from the point of view of persecution of the Church, and from the point of view of mutual confrontation. The research is based on the materials of archives, periodicals, and the published documents.

Keywords: October Revolution, Church, religious policy in the USSR, anti-religious policy, conflict between the state and the church.

Устоявшееся за последние десятилетия представление о политике большевиков в отношении религиозных организаций, прежде всего самой крупной – Русской православной церкви, сводится к тому, что сразу же после прихода к власти большевики подвергли церковь необоснованным репрессиям. Церковь – жертва, власть – палач: это уже почти аксиома. Иллюстрацией может служить цитата из статьи 1993 г. нынешнего министра образования О.Ю. Васильевой: «...священники выполняли свой долг..., а советская власть травила их, как бешеных собак, обрушивая попутно громы и молнии на всех верующих» [1, с. 43]. А вот другой автор, профессор Н.И. Суханова, в 2016 г.: «Антицерковный террор большевиков действовал по всей стране. В главных храмах городов проводились казни, глумление над христианскими святынями» [2].

Конфликт между церковью и властью после Октября был предопределён принципиальной непримиримостью последовательного материализма марксистского мировоззрения и религиозно-идеалистического взгляда на мир и общество. Однако идеологическое противостояние делало неизбежным конфликт мирный, но отнюдь не силовое противостояние. Более того, приверженность большевиков принципу совести создавала, казалось, вполне благоприятные условия для функционирования церкви, освобождая её от утверждённого Петром «чиновничьего всевластия в Церкви» [3, с. 78]. Однако вместе с этим РПЦ лишилась и прежнего привилегированного положения, был положен конец экономической связи церкви и государства: Декретом о земле была отменена монастырская и церковная собственность на землю, «Декларация прав народов России» отменила все национально-религиозные привилегии и ограничения, декреты ВЦИК и СНК «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния» покончили с узаконенным вмешательством церкви в семейно-брачные отношения, в январе 1918 г. нарком государственного призрения А. Коллонтай подписала приказ о прекращении выдачи государственных денег на содержание церковей и священнослужителей. Именно по этой причине – утрата привилегий и собственности – пролетарская революция была встречена церковниками резко враждебно. Так, уже в ноябре 1917 крестьяне с. Новая Рачейка Симбирской губернии сообщали, что местный священник постоянно выступал с антибольшевистскими проповедями и более всего, по словам крестьян, он «нападал на товарища Ленина» [4, с. 112].

Не скрывая своего враждебного отношения к революции, церковь первоначально воздерживалась от прямых призывов к свержению Советской власти. Октябрьскую революцию она расценивала как историческую случайность и была уверена, что старые порядки в ближайшее время будут восстановлены. Настроения православных священнослужителей в первые месяцы Октября красноречиво характеризует обращение к прихожанам священника села Старо-Синдрово Пензенской губернии, в котором тот выступил против Декрета о земле и заявил, что «этот закон будет существовать недолго» [5].

Антисоветская пропаганда духовенства усилилась в период подготовки и проведения Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (далее – Декрета). Сигнал был дан посланием патриарха Тихона от 19 января 1918 г. Большевики в нём именовались «безбожными властителями тьмы века сего», действующими «прямо противно совести народной». Духовенство обязывалось, «не медля ни одного часа», начинать работу по организации верующих, звать их «на защиту попираемых ныне прав Церкви православной». Верующие же призывались к активному сопротивлению, не останавливаясь перед жертвами: «А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовём вас, возлюбленные чада Церкви, зовём вас на эти страдания...»[6]. Послание возымело действие. Например, уже 22 января 1918 г. Самарский губисполком был вынужден специально рассмотреть вопрос «О погромной агитации священников» [7].

Реакция верующих на антисоветские призывы с амвона была весьма неоднозначной. Весьма интересную, живую картину того, что происходило тогда в церквях, рисует письмо в редакцию местной газеты пензенского рабочего Фёдора Спирина: «На днях я был в церкви Покрова на богослужении, совершаемым отцом Сатурновым. И много подивился я тому, во что превращают теперь церковь Божию, дом молитв и мира.

Вместо слов любви и всепрощения священник вёл агитацию против советской власти. Он говорит: «Граждане, надо спасать церковь Христову и веру его. Богоотступники и антихристы большевики нападают на нас...». ...После священника выступила какая-то женщина и кричала «прочь руки, большевики, от наших детей».

Среди молящихся начинается ропот и между женщиной на амвоне и кем-то из публики начинается спор. Снова выходит священник и предлагает принять резолюцию, которая полна духа злобы и распри и призывает бороться с большевиками. Тут уж поднимается и вовсе содом. Кто кричит, чтобы поднимали руки, кто кричит, чтобы не поднимали. И молящиеся уличают друг друга и следят кто против советской власти, кто – за. Что же это такое, что не стало у нас места для молитвы, потому что туда проникают распря и злоба. Куда же преклонить голову тому, кто пришёл в церковь только молиться?»[8].

Единства среди верующих не было. Однако определённая и, очевидно, немалая их часть откликнулась на призывы духовенства. Во многих городах и населённых пунктах состоялись крестные ходы под антисоветскими лозунгами. В ряде случаев они сопровождались столкновениями, человеческими жертвами.

Необходимо признать, что всплеску антисоветских выступлений на церковно-религиозной почве способствовали ошибки власти. Во-первых, радикализм Декрета (на наш взгляд, не только несвоевременный, но и принципиально ненужный), выразившийся в запрещении церковным обществам владеть любой собственностью, лишении их права юридического лица и национализации всего имущества; во-вторых, для церкви не был установлен никакой переходный период; в-третьих, не был разработан сам

порядок осуществления Декрета. Только в августе 1918 г. НКЮ утвердил инструкцию о порядке осуществления Декрета.

Всё это способствовало ошибкам и нарушениям в осуществлении Декрета на местах. Журнал «Революция и Церковь» признавал, что проведение Декрета «зачастую проводилось так, что раздражало население и затрагивало его религиозные чувства» [9, с. 11]. Имели место случаи, когда закрывались культовые здания; вместо описи церковного имущества производилась его конфискация, а также денежных средств церковных общин; в грубой форме производились изъятия икон из общественных помещений и т.д.

Однако акты крайнего насилия осуществлялись не властью, а народной толпой. Революция 1917 г., как и любая революция, развязала руки стихии. Буквально накануне октябрьских событий М. Горький предупредил: «На улицу выползет неорганизованная толпа... и, прикрываясь ею, воры, авантюристы... начнут творить «историю русской революции» [10]. Одним из объектов ярости «неорганизованной толпы» стала Церковь. Как признаёт современный православный автор, «необходимо чётко уяснить, что гонения на Церковь стали возможны благодаря согласию на это большинства народа..., ещё до прихода к власти большевиков по стране прокатилась волна убийств священнослужителей, грабежей храмов, святотатств, причём осуществляли это не сознательные атеисты, а хулиганы, одобряемые большинством населения» [11].

Что же вызывало такую ненависть? О первопричинах этого писал ещё А. Герцен: «Попы утратили всякое влияние вследствие жадности, пьянства и близких сношений с полицией» [12, с. 130]. Насколько авторитет официальной церкви ослаб в народной среде, показали уже события 1905–1907 гг. Церковная печать с ужасом писала о многочисленных случаях «оскорбления чудотворных икон, оскорблении святыни во время совершения богослужения, убийства служителей церкви» [13, с. 432]. То есть, в 1917 г. – 1918 гг. мы имеем дело, если можно так сказать, со 2-м изданием анархического бунта против РПЦ.

Как бы там ни было, но на какое-то время церковный вопрос оказался в центре политической борьбы. Рука об руку с церковниками действовали все антисоветские силы. В январе 1918 г. руководство Партии народной свободы (т.н. кадетов) обратилось к членам партии с призывом «принять участие в защите церкви» [14, с. 217]; об активной поддержке контрреволюционных действий духовенства правыми эсерами говорилось на заседании Саратовского Совета 29 января 1918 г. [15, с. 355].

Необходимо не забывать, что все эти процессы происходили в условиях, когда начавшаяся весной 1918 г. военная интервенция позволила внутренним контрреволюционным силам свергнуть власть Советов на большей части территории страны. Допустить дальнейшее обострение ситуации вокруг Декрета было крайне опасно.

В марте 1918 г. состоялись переговоры между делегацией Поместного собора РПЦ и советскими представителями, в числе которых были наркомы Д.И. Курский, М.Т. Елизаров и управляющий делами СНК В.Д. Бонч-

Бруевич. Было заявлено о готовности правительства на переговоры с целью нормализации отношений, но при этом было подчёркнуто, что любой компромисс возможен лишь в том случае, если церковь выразит готовность соблюдать советское законодательство о культах и откажется от вмешательства в политическую борьбу. Позиция же церковного руководства была равнозначна требованию полной капитуляции перед ним Советской власти. Как свидетельствовал профессор церковной истории Б.В. Титлинов, «от имени собора депутация фактически потребовала отмены декрета, обещая, что лишь тогда наступит религиозное спокойствие» [16, с. 132-133]. Естественно, что переговоры ни к чему не привели.

Шаги в направлении нормализации отношений с церковью предпринимали и местные органы власти. «Беспристрастно посмотреть на декрет» призывало духовенство Пензенская коллегия по отделению церкви от государства; попытка предотвратить крестный ход под антисоветскими лозунгами путём беседы с церковным руководством была сделана Симбирским губисполкомом [17]. Однако ответная реакция была во всех отрицательной. Церковь явно переоценивала свой авторитет и свои возможности и разговаривала языком ультиматумов. На встрече членов исполкома Саратовского Совета с делегацией клира и мирян г. Саратова последняя, по примеру делегации поместного собора, потребовала отмены Декрета. На это исполком ответил постановлением: «Подтвердить декрет и проводить его в жизнь» [18].

В ходе реализации Декрета советские органы успешно изживали волюнтаристские тенденции, всё более учитывали в каждом конкретном случае складывавшуюся на местах обстановку, настроение населения. Например, орган Советской власти в Самаре указывал, что если осуществление Декрета «встречает среди населения протесты, лучше повременить с точным выполнением декрета, заняться просвещением, пропагандой» [19]. Проведение Декрета было приостановлено в Симбирском уезде одноимённой губернии, в Вольском уезде Саратовской губернии, ряде других мест [20].

О том, насколько далеко могли идти навстречу верующим органы власти, говорит следующий эпизод. В октябре 1918 г. по просьбе солдат 2-го номерного пехотного полка 1-й Петроградской Советской дивизии его командир и политкомиссар обратились в Симбирский губсовет с отношением, в котором просили пригласить на службу в полк в качестве священника диакона Морозова. Ответ гласил: «Президиум губисполкома предлагает объявить красноармейцам вверенного вам полка, что с приглашением на службу в названный полк священника Морозова со стороны Губисполкома препятствий не встречается» [21]. И это несмотря на то, ещё в январе 1918 г. институт армейского духовенства был ликвидирован.

Таким образом, нет никаких достаточных оснований для утверждений о некоей изначальной, безо всяких на то оснований, репрессивной политики большевиков в отношении РПЦ.

Церковь сама отвергла путь компромисса и встала на путь борьбы с Советской властью. Звоном колоколов, торжественными молебнами, крестными ходами отмечало духовенство летом 1918 г. падение Советской

власти в ряде городов и сёл Поволжья. Орган самарского духовенства вступление в город белочешских частей назвал приходом «освободителей» [22, с. 344]. А война есть война и она всегда и везде сопровождалась и сопровождается эксцессами, жестокостью, нарушением правовых требований.

Тяжёлый опыт отношений с церковью в самом начале советской истории не мог не наложить свой отпечаток на церковно-государственные отношения последующих десятилетий.

В заключение приведу точное высказывание лидера КПРФ Г.А. Зюганова: «Советский период нашей истории был эпохой грандиозных перемен во всех сферах жизни... Трудности и даже конфликты здесь просто неизбежны. В том числе между государством и церковью. ...Подобные противоречия вовсе не были отличительной чертой советской эпохи. Достаточно вспомнить...вековые гонения на старообрядцев; ...конфликтные отношения с церковью Петра I; ...закрытие Екатериной II огромного числа церквей и монастырей. К тому же такого рода проблемы не являются достоянием только российской истории.

Таковы реальности подлинной истории. И только учитывая их, можно объективно оценивать наш российский опыт» [23, с 48].

Источники и литература:

1. Вопросы истории. – 1993 – №8.
2. Политика большевиков в отношении православной церкви в 1917–1918 гг. [Электронный ресурс]. – [http:// interactive-plus.ru](http://interactive-plus.ru)
3. Трапезников А.А. Десять веков православия. – М.: Вече, 2011.
4. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 – январь 1918 г.). Сб. документов. – Ульяновск, 1957.
5. Партийный архив Пензенского обкома КПСС. Ф.36. Оп.1. Д.35. Л.47 об.
6. Послание святейшего патриарха Тихона от 19 января 1918 г. [Электронный ресурс]. – [http:// azbuka.ru](http://azbuka.ru)
7. Государственный архив Куйбышевской области (ГАКО). Ф. Р-81. Оп.1. Д. 4. Л.38 об.
8. Известия Пензенского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. – 1918. – 21 апреля.
9. Революция и Церковь. – 1919. – №1.
10. Горький и революция // Литературная газета. – 2017. – №12.
11. Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы [Электронный ресурс]. – [http:// sir.35.narod.ru](http://sir.35.narod.ru)
12. Герцен А.И. Об атеизме, религии и церкви. – М.: Мысль, 1976.
13. Симбирские епархиальные ведомости. – 1907. – №16.
14. Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – Т. V. – М.-Л., 1961.
15. Саратовский Совет рабочих депутатов (1917-1918). – М.-Л., 1931.
16. Титлинов Б.В. Церковь во время революции. – Пг., 1924.
17. Известия Пензенского Совета. – 1918. – 16 июня; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-200. Оп.2. Д. 22. Л.10.
18. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 251. Оп.1. Д.109. Л. 5.
19. Коммуна. Орган Самарского губернского комитета РКП(б), губернского и городских исполкомов Советов. – 1919. – 17 апреля.
20. ГАУО. Ф. Р-200. Оп.2. Д.208. Л.154 об.; ГАСО. Ф. 546. Оп.1. Д.105. Лл.10,11об.
21. ГАУО. Ф. 3022. Оп.1. Д. 52. Лл.5, 20, 21.
22. Самарские епархиальные ведомости. – 1918. – №11-12.
23. Геннадий Зюганов-Коммунисты-21 [Электронный ресурс]. - [http:// profilib.com](http://profilib.com)

Referenses

1. Voprosy istorii. – 1993 – №8.
2. Politika bol'shevikov v otnoshenii pravoslavnoj cerkvi v 1917–1918 gg. [Jelektronnyj resurs]. – [http:// interactive-plus.ru](http://interactive-plus.ru)
3. Trapeznikov A.A. Desjat' vekov pravoslavija. – M.: Veche, 2011.
4. Bor'ba za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Simbirskoj gubernii (mart 1917 – janvar' 1918 g.). Sb. dokumentov. – Ul'janovsk, 1957.
5. Partijnyj arhiv Penzenskogo obkoma KPSS. F.36. Op.1. D.35. L.47 ob.
6. Poslanie svjatejshego patriarha Tihona ot 19 janvarja 1918 g. [Jelektronnyj resurs]. – [http:// azbuka.ru](http://azbuka.ru)
7. Gosudarstvennyj arhiv Kujbyshevskoj oblasti (GAKO). F. R-81. Op.1. D. 4. L.38 ob.
8. Izvestija Penzenskogo Soveta Rabochih i Krest'janskih Deputatov. – 1918. - 21 aprelja.
9. Revoljucija i Cerkov'. – 1919. – №1.
10. Gor'kij i revoljucija // Literaturnaja gazeta. – 2017. – №12.
11. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' pod igom bogoborcheskoj vlasti v period s 1917 po 1941 gody [Jelektronnyj resurs]. – [http:// sir.35.narod.ru](http://sir.35.narod.ru)
12. Gercen A.I. Ob ateizme, religii i cerkvi. – M.: Mysl', 1976.
13. Simbirskie eparhial'nye vedomosti. – 1907. – №16.
14. Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma. – T. V. – M.-L., 1961.
15. Saratovskij Sovet rabochih deputatov (1917-1918). – M.-L., 1931.
16. Titlinov B.V. Cerkov' vo vremja revoljucii. – Pg., 1924.
17. Izvestija Penzenskogo Soveta. – 1918. – 16 ijunja; Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti (GAUO). F. R-200. Op.2. D. 22. L.10.
18. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (GASO). F. 251. Op.1. D.109. L. 5.
19. Kommuna. Organ Samarskogo gubernskogo komiteta RKP(b), gubernskogo i gorodskih ispolkomov Sovetov. – 1919. – 17 aprelja.
20. GAUO. F. R-200. Op.2. D.208. L.154 ob.; GASO. F. 546. Op.1. D.105. Ll.10,11ob.
21. GAUO. F. 3022. Op.1. D. 52. Ll.5, 20, 21.
22. Samarskie eparhial'nye vedomosti. – 1918. – №11-12.
23. Gennadij Zjuganov-Kommunisty-21 [Jelektronnyj resurs]. – [http:// profilib.com](http://profilib.com)

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.5

РАЗВИТИЕ РАЦИОНАЛИЗАТОРСТВА И ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ (1928–1932 ГГ.)

*Кузьмина Т. Н.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
«История России, краеведение и методика преподавания истории»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия*

***Аннотация.** В статье показывается развитие рационализаторской и изобретательской работы на промышленных предприятиях Пензенского края в годы первой пятилетки. Автор анализирует роль партийных, государственных и общественных организаций в развитии творческой активности рабочих в Пензенской области. Исследование основано на материалах архивов, периодической печати, данных статистики.*